

ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН ВОЙНИЧ

ОВОД В ИЗГНАНИИ

Овод

Этель Лилиан Войнич

Овод в изгнании

«ФТМ»

1910

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Войнич Э.

Овод в изгнании / Э. Войнич — «ФТМ», 1910 — (Овод)

ISBN 978-5-17-149339-4

Вторая книга трилогии об Артуре-Оводе, написанная через тринадцать лет после выхода первой книги – легендарного «Овода» – и повествующая о его приключениях в Латинской Америке. Отчаявшийся, преданный семьей, друзьями и возлюбленной, юноша имитировал самоубийство и бежал из Италии. Не имея ни гроша за душой, он не знает, куда плывет и зачем. Не представляет, какова земля, которой предстоит стать его новой родиной. В его отважном сердце отныне нет места ни любви, ни доверию, а жизнь его будет посвящена борьбе за свободу и счастье других. Однако можно ли жить лишь ненавистью и мстостью – пусть даже и самыми благородными?.. Ранее книга выходила под названием «Прерванная дружба».

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-149339-4

© Войнич Э., 1910

© ФТМ, 1910

Содержание

Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Этель Лилиан Войнич

Овод в изгнании

Ethel Lilian Voynich
AN INTERRUPTED FRIENDSHIP

© Перевод. Р. Боброва, наследники, 2022
© Перевод. Н. Высоцкая, наследники, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Такому ты обрек меня неверью
И в мир, и в жизнь, царящую кругом,
Что я страшусь, как дерево, упасть,
Сойти в могилу, память сохранив
О том лишь, как несчастен был всегда.*

Глава I

Похоронная процессия медленно прошла по раскисшей глинистой деревенской улице и поднялась на холм, где находилось кладбище. Позади плелось несколько старух в белых чепцах; некоторые плакали. Встречные обнажали головы и истово крестились – и не только по привычке: госпожа маркиза была добра к бедным, и они искренне сожалели о ее кончине.

Правда, настоящих бедняков в Мартерель-ле-Шато не было. Страшное чудовище – бедность в прежнем ее понимании, ужасающая, безысходная нищета, выпавшая на долю этих женщин в юности, – ушло в прошлое вместе со всем укладом жизни, который был сметен волной революции. Она исчезла тридцать три года тому назад вместе с барщиной и налогом на соль, с податями и сборами, вместе с дворянской гордостью и потомственными привилегиями де Мартерелей. Клубы дыма над пылавшим замком унесли с собой так много, что даже тем, кто помнил, какой была жизнь до 1789 года, она казалась теперь кошмарным сном.

Но если ты беднее своих соседей, ты уже бедняк; и теперь в Мартереле бедным считался тот, у кого не было коровы, – так изменился облик бургундской деревни за одно лишь поколение.

Для этих неудачников, а также для всех больных и несчастных покойная маркиза была добрым другом. Она не могла помогать им деньгами: революция, принесшая благосостояние деревне, разорила обитателей замка. Но маркиза всегда относилась к крестьянам по-добрососедски и по-матерински заботилась о них; хотя она и не могла подарить корову, кувшин молока для больного ребенка она давала с такой ласковой улыбкой и так искренне беспокоилась о здоровье малыша, что старый Пьерро сказал однажды матушке Папийон: «Никто сроду и не догадался бы, что она из этих проклятых аристократов».

Да, собственно говоря, она была только женой аристократа. Дочь дижонского врача, она принесла мужу вместе со скромным приданым лишь благородство души, а не имени. Однако у него хватало знатности на двоих, о чем свидетельствовали разбитые надгробья и гербовые щиты в местной церквушке. В остальном же ее приданым, как и у Корделии, была ее прекрасная душа, и поэтому с уходом Франсуазы семья сразу осиротела.

Ее муж, стоявший с двумя сыновьями около могилы, выглядел до странности потерян-ным, – могло показаться, что умерла вдова, оставив не двух, а трех сирот, у одного из которых на висках уже пробивалась седина.

Судьба была жестока к этому пожилому спокойному египтологу, внезапно ввергнув его в пучину страшных несчастий. За последние две недели он провожал к этой могиле уже третий гроб. Смерть детей опечалила его, хотя, поглощенный своими книгами, он знал их очень мало; со смертью жены рушился весь его мир.

Он медленно отошел от могилы. Было трудно поверить, что здесь похоронили Франсуазу и что, когда они все трое придут домой, мокрые и продрогшие, она не встретит их приветливой улыбкой, заранее приготовив нагретые домашние туфли. Четырнадцать лет она была подле него, всегда готовая сделать то, что нужно, всегда готовая стусеваться, если он был занят. Ее присутствие, столь удобное и незаметное, стало необходимым условием его существования.

Это не был брак по любви. Маркиз женился по настоянию друзей и, так как ему было все равно, предоставил им выбор невесты; однако ни он, ни она ни разу об этом не пожалели. В течение всех четырнадцати лет их совместной жизни он был неизменно учтив с женой, поскольку не мыслил иного отношения к женщине, и оставался ей неизменно верен, поскольку его влекли только духовные радости. Но хотя Франсуаза родила ему пятерых детей, хотя она была ему не только женой, но и матерью, ограждавшей его от денежных забот, домашних хлопот и волнений, он совсем не знал ее и даже не подозревал, что не знает, – она была для него просто Франсуазой. Теперь же она казалась ему непостижимо величественной и даже страш-

ной, – и не потому, что ее уже не было в живых, а потому, что она умерла, окруженная ореолом самоотверженного материнства.

Если бы Франсуаза узнала, что ее смерть пробудит в маркизе это новое чувство робости перед ней, она бы беспредельно удивилась. Ее отчаянная одинокая борьба за жизнь троих детей, заболевших тифом, представилась бы ей (если бы она вообще хоть на минуту задумалась над этим) вполне естественной, – ведь она была матерью. Но Франсуаза, женщина бесхитростная да к тому же не имевшая ни минуты свободного времени, не обременяла себя отвлекающими размышлениями о разнице между долгом матери и долгом отца и, не раздумывая, рисковала жизнью, оберегая в то же время от болезни своего мужа. Жизнь выдающегося ученого была слишком драгоценна, чтобы подвергать ее опасности. Он же ни во что не вмешивался – не из трусости, а просто потому, что он вообще никогда ни во что не вмешивался. Маркиз полностью доверял Франсуазе, и ему так же не могло прийти в голову усомниться в ее житейской мудрости, как ей оспаривать его суждение о каком-нибудь папирусе. И вот теперь, вырвав у смерти одного ребенка, она последовала в могилу за двумя другими, беспокоясь на смертном ложе только о том, сумеют ли слуги без нее содержать детей в чистоте и хорошо варить кофе.

Старший из мальчиков, Анри, шел рядом с отцом и горько плакал. Ему было тринадцать лет, и он уже понимал, что мама действительно умерла. К тому же он сам только что оправился от болезни и, помимо душевного горя, испытывал еще и физическую слабость. Маркиз ласково потрепал сына по плечу, и Анри поднял голову, улыбаясь сквозь слезы. Он безгранично, так же как и его покойная мать, обожал отца. Отец был самым умным, самым ученым и самым замечательным человеком на свете, ласка отца была большой честью, утешением в любом горе. Судорожно всхлипнув, Анри перестал плакать и благодарно потерся мокрой щекой о добрую отцовскую руку.

Маркиз был рад, что хоть Рене не плакал. Ему было очень жаль своих осиротевших мальчиков, но плачущие дети его всегда немного раздражали: они совсем не умели пользоваться носовыми платками. Рене не проронил ни слезинки; ему еще не было десяти, и он, как и маленькая сестренка, ожидавшая их дома, по-видимому не понимал, что произошло. Во время похорон он только ежился от холода.

Они миновали липовую аллею и проехали под огромной аркой ворот, по обе стороны которых высились остатки крепостных башен. Замок, огромный, сырой, обветшалый, всегда производил довольно унылое впечатление; сегодня же, когда, забрызганные грязью и дрожащие от холода, они увидели его сквозь сетку дождя, сердце его владельца болезненно сжалось. Никогда еще маркиз не ощущал с такой остротой его холодную суровость, его застывшую угрюмую надменность; но никогда еще этот замок не был ему так дорог. Он любил его больше всего на свете – больше детей, даже больше книг. Книги принадлежали только ему, он любил их тридцать лет, – но цепь, которая приковывала его к этому дому, тянулась через четыре столетия. Поколение за поколением Мартерели жили и умирали здесь; их род никогда не был особенно богатым или знатным, но владельцы замка безмятежно верили в свое право на существование и были вполне довольны и собой и, в общем, Всевышним. В тех редких случаях, когда они по делам или в поисках развлечений попадали в Париж, с ними порой обходились как с деревенщиной, но дома никакие сомнения не терзали их души, никакие сложные вопросы не омрачали их спокойствия; сам помазанник Божий на своем троне не был надежнее отгорожен от действительности, чем они в своем обнесенном рвом замке. И вдруг свершилось возмездие.

Войдя в огромную прихожую, маркиз вздрогнул. Неужели сегодня было мало горя? Зачем как раз сегодня ожили в памяти страшные воспоминания детства?

Старый облупленный комод уцелел во время разгрома и пожара. Он все еще стоял возле ниши, к которой его придвинули кормилица маленького Этьена и ее сын Жак, едва успевшие спрятать мальчика. Через минуту ворота были взломаны. Скорчившись в темноте, мальчик –

он был тогда не старше Анри – судорожно зажимал уши, чтобы не слышать оглушительных криков, проклятий, топота ног и воплей, раздавшихся на лестнице и так внезапно оборвавшихся.

О, эти страшные вопли на лестнице!

Воспоминание о них отравляло его юность, лишая окружающий мир светлых красок; из-за них любимый дом, в который он вернулся, проведя несколько лет в Англии, вселял в него ужас, а не дарил радость. Только появление Франсуазы изгнало призраки, – рядом с таким спокойным, жизнерадостным и в высшей степени прозаическим существом не было места страхам, порожденным воображением. Неужели теперь, когда Франсуазы больше нет, призраки опять вернутся?

Маркиз с ужасом ощущал их приближение. О них напоминал даже пронзительный плач девочки в детской. В его жизни было так мало значительных событий, что это единственное страшное воспоминание так и не изгладилось из памяти; и сейчас, когда он был измучен усталостью и горем, прошлое опять вставало перед ним с отчетливостью кошмара. Ему казалось, что он снова ощущает густой, удушливый запах гари и опять слышит тревожный голос Жака:

– Этьен! Господин Этьен! Где вы? Вы живы? Они ушли, мой маленький.

Тот же самый Жак, поседевший, но по-прежнему заботливый, остановил его около двери в кабинет. Глаза его были красны от слез.

– Господин маркиз, не забудьте переодеться в сухое. День сегодня холодный. Марта приготовила горячего супу.

– Спасибо, Жак, – благодарно ответил маркиз. – Ты всегда обо всем подумаешь. Присмотри, пожалуйста, чтобы кто-нибудь занялся детьми. И скажи, чтобы меня не беспокоили, – я хочу побыть один.

Он с облегчением вздохнул, очутившись наконец в своем кабинете за запертой дверью, отгородившей его от внешнего мира, среди друзей юности, которые, выстроившись на полках, безмолвно предлагали ему благородное утешение. Маркиз открыл книжный шкаф, вынул «Республику» Платона и со вздохом поставил ее обратно – сегодня греки не могли ему помочь. Некоторое время он не мог решить, что же выбрать, и в раздумье ласково гладил корешки любимых книг: Вольтер, Дидро, Гоббс, Гиббон; затем вынул том Монтеня и, пододвинув кресло поближе к пылающему камину, углубился в главу «О жизненном опыте».

Ветки каштанов, стучавшие в окно, отвлекли его внимание от книг. Старые громадные деревья были посажены слишком близко к дому; летом их густая листва не пропускала ни солнца, ни воздуха, а в зимние ночи шум ветра в ветвях звучал как нескончаемый стон. Франсуаза, тревожившаяся за детей, часто думала, что было бы лучше, если бы эти мрачные гиганты росли подальше от дома, но она ни разу не предложила их срубить, зная, как дороги они мужу. С ними были связаны первые воспоминания его детства, и каждая их веточка была священна.

Сейчас постукивание веток по стеклу показалось маркизу приветствием друга. Он встал, открыл окно, сорвал несколько больших желтых листьев и прижал их к лицу. Хотя стояла поздняя осень, листья все еще слабо пахли, – это был самый дорогой для него в мире запах.

Почему-то эти листья, их прикосновение, их аромат облегчили гнет его горя. Чистые и гладкие, прохладные и душистые, они умирали с ясным и спокойным благородством, достойным самого Монтеня. Он вспомнил успокаивающие, проникнутые мудрым терпением слова: «Que les bastimens de mon aage ont naturellement à souffrir quelque gouttière. Il est temps qu'ils commencent à se lascher et desmentir. C'est une commune nécessité. Et n'eust on pas faict pour moi un nouveau miracle»¹.

Все это так, но Франсуаза умерла молодой.

¹ Организм, достигший моего возраста, обычно страдает каким-нибудь изъязном. Проходит время, и он начинает слабеть и разрушаться. Такова всеобщая закономерность. Меня это ничуть не поражает (*фр.*).

Маркиз облокотился о подоконник и устремил взор на поросшую лесом равнину и видневшиеся вдаль на холме башни. Везде – серые силуэты на сером небе. И его жизнь такая же серая, как это небо. После кроваво-красной вспышки в самом начале она всегда была бесцветной, а теперь, без Франсуазы, светлые минуты будут совсем редки. Но как ни мало радостей сулило будущее, жить все-таки стоит, если удастся сохранить душевное спокойствие и продолжать свою работу.

Но как можно быть спокойным, когда наверху так пронзительно плачет Маргарита? Первое, что он услышал, вернувшись домой час тому назад, был ее вопль, и с тех пор она все плакала. Наверно, нянька оставила ее без присмотра или не может ее успокоить. У Франсуазы дети никогда так не плакали. Такой крик просто невыносим, и, наверно, трехлетнему ребенку вредно так долго плакать. Надо положить этому конец. Однако мысль о необходимости впервые в жизни вмешаться в домашние дела приводила маркиза в ужас, и он открыл дверь в детскую с чувством робости и тоскливой неуверенности.

– Берта, – мягко сказал он. – Почему Маргарита так долго плачет? Может быть, она голодна или...

Женщина повернула к нему испуганное, заплаканное лицо.

– Всё эта ленивая дрянь Сюзанна, господин маркиз. Я только на минуту пошла в церковь попрощаться с моей доброй госпожой, а она... а она...

– Что она? – спросил маркиз, стараясь разобраться, в чем же дело, и невольно морщась от шума. – Она ушибла девочку?

Нянька опять залилась слезами.

– Я не виновата, клянусь Богом, не виновата! Откуда мне было знать, что она так плохо будет смотреть за нашей душечкой?

– Берта! – сурово сказал маркиз, подходя к няньке. – Что-нибудь случилось?

Нянька закрыла голову фартуком. Несколько строгих вопросов – и она во всем призналась: решив сбегать потихоньку на похороны, она оставила девочку на попечение пятнадцатилетней судомойки; та, в свою очередь, засмотрелась в окно, забыв про малышку, которая вышла в новых туфельках на лестницу и скатилась вниз по каменным ступеням. При падении она сильно ушиблась и рассекла голову.

Ближайший доктор жил довольно далеко; и поскольку девочка не успокаивалась, послали за матушкой Коннетель, которая умела ходить за больными. Она дала малышке макового настоя и, когда девочка заснула, объявила, что ничего страшного не случилось – все кости целы.

Тем не менее маркиз не совсем успокоился. Но вскоре новая беда заставила его забыть про Маргариту: Анри простудился на похоронах, и так как он еще не успел окрепнуть после тифа, то ночью ему стало очень плохо. В течение десяти дней отец не мог ни о чем думать, кроме угрозы новой, четвертой по счету, потери; когда же опасность миновала, синяки Маргариты почти совсем прошли.

Полоса несчастий и тревог как будто наконец кончилась, но нервы маркиза были совершенно расстроены. Его мучила бессонница, и по ночам он бродил из комнаты в комнату, преследуемый кошмаром, что с детьми опять случится несчастье.

С каждым днем маркизу становилось все яснее, что слугам, несмотря на их добрые намерения, доверять нельзя. И не только потому, что Маргарита по их недосмотру упала с лестницы, а Анри они отпустили на похороны в тонких ботинках и не переодели сразу в сухое, когда он вернулся домой, – детей не следовало оставлять под влиянием этих невежественных и суеверных крестьян и по другим, не менее веским соображениям. Он обнаружил, что детей пичкали рассказами о людоедах и оборотнях, и заметил также, что, хотя Франсуаза умерла совсем недавно, между кухней и детской установилась близость, которую он считал крайне нежелательной. Слуги особенно баловали и портили своего любимца Рене. Мальчик ходил за

Жаком по пятам, катался на нем верхом, слушал длинные истории о святых и чудесах, развязывал старой поварихе тесемки фартука, помогал ей молоть кофе, получая в награду горячие пирожки, и перенимал у слуг неряшливую манеру есть и протяжную бургундскую речь. Разумеется, прислуга желала детям добра, а привязанность Жака к их семье не подлежала сомнению, но тем не менее его влияние на Рене могло оказаться пагубным. Отсутствие хозяйки в доме обрекало детей на множество неудобств, не говоря уж о том, что Маргарита не сможет получить хорошего воспитания, если в детстве будет лишена влияния женщины их круга.

Что-то нужно было делать. Но что? Мысль о вторичной женитьбе претила маркизу – и потому, что это оскорбило бы светлую память Франсуазы, и потому, что присутствие в доме женщины нарушило бы покой, необходимый ему для занятий. Франсуаза обладала необычайной способностью быть незаметной, и это казалось маркизу самым драгоценным из ее многочисленных достоинств, но нельзя было рассчитывать, что ему посчастливится встретить еще одну подобную женщину.

Проще всего было бы пригласить в замок какую-нибудь родственницу, которая взяла бы на себя заботу о хозяйстве и детях. Но это было бы немногим лучше второго брака, а пожалуй, даже и хуже, поскольку при женитьбе все же возможен какой-то выбор, тогда как единственной подходящей родственницей была его свояченица мадемуазель Анжелика Ломонье, старая дева с небольшими средствами и многочисленными добродетелями. Она, конечно, была бы счастлива расстаться со своим скучным домом в Аваллоне и почувствовать, что она действительно кому-то нужна, но она стала бы вторгаться в его кабинет, чтобы предложить ему утешение религии, и наводнила бы дом дурно воспитанными монахами и болтливыми монахинями.

Оставалось только отослать детей туда, где бы заботились об их духовных и телесных нуждах и где бы они получили воспитание, приличествующее их положению в обществе. Правда, это обойдется недешево, а доходы маркиза были невелики; но он умел довольствоваться малым и не испугался бы никаких материальных лишений, лишь бы ничто не возмущало душевного спокойствия, необходимого ему для занятий. К сожалению, как бы он ни урезывал своих расходов, отказывая себе даже в самом необходимом, ему все равно не хватит денег, чтобы отдать детей в приличные школы, если не продать часть и без того оскудевшего и перезаложенного поместья. Хорошее образование мальчикам нужнее, чем земля, а на приданое Маргарите всегда что-нибудь да останется.

Земля была продана, и маркиз поручил дочь заботам тетки, определив на ее содержание такую солидную сумму, что Анжелика, зная, в каких стесненных обстоятельствах находится ее зять, запротестовала:

– Это слишком много, Этьен, уверяю вас. Что стоит прокормить и одеть такую крошку? А заботы – неужели вы думаете, что мне надо за них платить? Она будет моей радостью, будет напоминать мне о дорогой Франсуазе.

На глазах у Анжелики навернулись слезы, на которые она никогда не скупилась. Маркиз невольно нахмурился и спросил себя: откуда у Франсуазы было такое умение держаться? Она никогда не плакала. Правда, Жак и старая повариха могли бы рассказать ему другое, но он действительно ни разу не видел слез своей жены.

– Дорогая Анжелика, – сказал он своим мягким голосом, – оставьте мне единственную роскошь бедного человека – право честно платить свои долги. Я, конечно, никогда не смогу отплатить вам за любовь и заботу о моей дочери, но по крайней мере я обязан избавить вас от лишних беспокойств. Я не хочу, чтобы Маргарита страдала из-за нехватки денег, – довольно с бедняжки и того, что она лишилась матери. Мне же довольно корки хлеба и моих книг.

Теперь нужно было устроить мальчиков. Маркиз считал, что для Анри лучше всего подойдет бернардинский коллеж в Аваллоне. Перенеся две тяжелые болезни, мальчик сильно ослабел. Ласковый и привязчивый, он истосковался бы вдали от дома, а в Аваллоне он будет видеться с сестренкой и тетей, да и отец сможет его навещать. Конечно, религиозное воспита-

ние... но что же делать? Маркиз пожал плечами. Сам он был убежденным атеистом, но Франсуаза верила искренне и глубоко, хотя никогда ему этим не докучала, и она бы обрадовалась, узнав, что ее старший сын вырастет добрым католиком. Школа была недорогая и удобно расположена. Кроме того, местное дворянство не терпело вольнодумства в вопросах религии. Если Анри пожелает в дальнейшем поселиться в имение и заняться сельским хозяйством, ему будет легче жить, если он будет разделять убеждения соседей. Да, собственно, почему бы ему и не вырасти верующим? Он хороший мальчик, прекрасный мальчик, но, пожалуй, немного туповат.

С Рене было сложнее. Вряд ли имело смысл отправлять его к добрым бернардинцам; туповатым его, во всяком случае, никак нельзя было назвать. В это время маркиз получил письмо от брата, единственного – кроме него – члена их семьи, который уцелел во время разгрома замка. Осиротевших мальчиков приютил дальний родственник; когда начался террор, он бежал с ними в Англию. Младший из братьев так и не вернулся на родину; он принял британское подданство и переделал свое имя на английский лад, – теперь его звали Генри Мартель. Он сделал хорошую карьеру и, женившись на англичанке, поселился в Глостершире. В письме он предлагал брату взять Анри на несколько лет к себе и поместить его в школу вместе со своими сыновьями.

Отец показал Анри письмо дяди, считая сына достаточно взрослым, чтобы посоветоваться с ним, но тот в ответ лишь расплакался. Хотя маркиз не терпел слез, он ласково успокоил мальчика, пообещав, что никто не пошлет его в Англию насильно. В этот момент в саду раздался звонкий дискант Рене:

– Какой же ты глупый, Жак! Это все можно сделать гораздо проще. Смотри, вот так, – понятно? А теперь поверни – да нет, наоборот. Вот и все!

– Подумать только, – прозвучал восхищенный голос поварихи, – какой он у нас умница! Сразу во всем разобрался!

– И правда! – подхватил Жак. – А мне бы сроду не догадаться. С такой умной головой вы далеко пойдете, господин Рене.

Это положило конец колебаниям маркиза. Если так будет продолжаться, слуги своей глупой лестью окончательно испортят мальчика. Ну а в английских школах как нигде умеют отучить ребенка от излишнего самомнения. Маркиз тут же написал брату, что Анри уже устроен в школу, но что он с благодарностью пошлет к нему младшего сына.

Покидая родительский дом, Рене был так бледен и молчалив, что решимость маркиза на какое-то мгновение поколебалась. После пережитого в детстве потрясения в нем развилась болезненная чувствительность – зрелище чужих страданий было для него невыносимо. Он едва не сказал Рене, как сказал до этого Анри: «Ну, раз ты не хочешь ехать, оставайся». Но он тут же подумал, что, потакавая капризам мальчика, окажет ему плохую услугу и что когда Рене привыкнет к новой обстановке, то, несомненно, полюбит Англию. Во всяком случае, у дяди к нему будут хорошо относиться. И потом... что еще с ним делать?

Проводив Рене, маркиз ушел в свой кабинет и закрыл за собой дверь. Последнее время он думал только о детях; он сделал для них все что мог, и продолжать беспокоиться о том, что уже улажено, было бы преступной тратой драгоценного времени. Маркиз решительно выбросил из головы семейные дела и снова взялся за перевод иероглифов с одного из луврских саркофагов.

Когда Анри окончил бернардинский коллеж, ему было девятнадцать лет. Он сильно вырос и окреп, но остался таким же скромным и кротким, каким был в детстве. Подучившись основам садоводства и ведения молочного хозяйства, он вернулся в замок и взял в свои руки управление поместьем. Он уволил невежественного и вороватого управляющего и, как покойная мать, посвятил свою жизнь тому, чтобы ограждать отца, перед умом которого благоговел, от мелочных уколов и волнений, сопутствующих бедности.

Рене тем временем жил в Англии, проводя каникулы у дяди в Глостершире. Он, казалось, стал совсем англичанином: письма домой, написанные на довольно корявом французском языке и посвященные главным образом крикетным матчам, он подписывал «Р. Мартель». В школе Рене любили и товарищи, и учителя. Он окончил ее восемнадцати лет, добившись выдающихся успехов в плавание, проказах и географии.

Для Анри возвращение брата, которого он не видел восемь лет, было событием первой степени важности. Он отшагал несколько миль по пыльной парижской дороге, чтобы встретить дилижанс, и так горячо обнимал и целовал вернувшегося странника, что Рене, отвыкший в английской школе от такой экспансивности, вспыхнул и пробормотал:

– Ну что ты...

Услышав, как открылись массивные чугунные ворота, маркиз вышел из кабинета на террасу и смотрел на подходивших к дому сыновей. Ростом, телосложением, цветом волос они походили друг на друга, но, несмотря на это, разница между ними была очень велика. Отец с улыбкой подумал, что Рене похож на оригинал, а Анри на его добросовестную копию. Он приветствовал сына сдержанным английским рукопожатием и лаконичным «ну, здравствуй!». За обедом маркиз внимательно приглядывался к младшему сыну. Тоненький нервный мальчик превратился за восемь лет в рослого застенчивого юношу, атлетически сложенного, загорелого и испытывающего явные муки из-за необходимости о чем-то говорить. В красивой посадке его головы было что-то от грациозной настороженности оленя: казалось, одно слишком ласковое прикосновение – и он, вскинув голову, метнется через дверь террасы в сад, рассыпая брызги разбитого стекла.

Сразу после обеда Рене сбежал из столовой к себе в комнату и поспешно распаковал чемодан, из которого извлек кучу всевозможных свертков. Затем помчался на кухню и, постучав в дверь, весело спросил:

– Можно войти, Марта?

Старуха почтительно присела перед ним, но через минуту уже крепко его обнимала.

– Наконец-то мой мальчик вернулся... А как вырос, какой стал сильный... и ни капельки не изменился...

Марта чуть не плакала. Рене обхватил обеими руками полную талию старухи.

– Совсем не изменился, говоришь? Берегись же!

Ее фартук упал на пол. Марта наклонилась за ним, колыхаясь от смеха, – и в тот же миг Рене приколот ей к чепцу агатовую брошь и убежал, прежде чем она успела опомниться.

– До чего же хорошо вернуться домой! – крикнул он, врываясь, как ликующий смерч, во двор, где его дожидался Анри, желавший показать брату хозяйство. – Как будто снова стал мальчишкой!

– Если бы ты только знал, как мы рады, что ты вернулся, – любовно проговорил Анри. – Но тебе ведь в английской школе не было плохо, а?

Рене посмотрел на него с удивлением.

– Плохо? Да как может быть плохо в такой замечательной школе?

– А учителя? Они хорошо к тебе относились?

– Да, в общем, ничего. Старикан Бриггс был нашим лучшим крикетистом. Директор иногда шумел, но это у него от подагры, – а когда кому-нибудь приходилось плохо, на старика можно было положиться. А о спорте и говорить нечего. Знаешь, ведь в последний раз мы сыграли Регби!

– Неужели ты совсем не скучал по дому так далеко от всех нас?

– Но ведь со мной были Гильберт и Фрэнк, а в случае нужды всегда можно было бы добраться до дяди Гарри и тети Нелли. Это все равно что иметь два дома... Нет, но как же тут все-таки замечательно! В этом бассейне, наверно, можно плавать... Ах, черт возьми!..

Рене увидел большие каштаны. Он долго смотрел на них молча, потом повернулся к брату. Глаза его сияли.

– А я и забыл, что они такие большие!

Они осмотрели службы. Рене сразу подружился с полдюжиной огромных кудлатых псов и проявил живейший интерес к голубятне, кроличьим садкам и птичнику. Лошадей он осмотрел довольно критически и, сам того не ведая, обидел брата, не выразив восхищения при виде крутобоких белых коров и откормленных черных свиней. Потом они услышали цоканье копыт, и Жак, ездивший за покупками на рынок, поспешно соскочив с лошади, кинулся здороваться со своим любимцем. Когда старик развернул свой подарок, его глаза наполнились слезами.

– Подумать только! Сколько времени прошло, а господин Рене не забыл, какие я люблю трубки!

Рене потрепал старую гнедую кобылу по холке.

– Да, да, господин Рене, это та самая Диана, на которой вы учились ездить верхом. Она еще ничего лошадка – от самого Аваллона шла рысью и, видите, даже не вспотела. Уж можете себе представить, как я спешил повидаться с вами после стольких лет. Ох, и выросли же вы! В последний раз, как я вас видел, вы сидели в парижском дилижансе – совсем еще дите, в лице ни кровинки, и такой худенький. Я чуть не заплакал, когда вы сказали: «Прощай, Жак», – да так жалобно! И куда, думаю, такому малышу ехать одному в эту Англию? А теперь! Просто красавчик, да и ростом с господина Анри!

Тут старик смутно почувствовал, что Рене как будто не по себе. Прервав поток воспоминаний, он вынул из кармана письмо.

– От мадемуазель Маргариты.

Когда братья пошли дальше, Анри неуверенно сказал:

– Надеюсь, ты не рассердился на Жака? Он наш старый преданный слуга, и отец обязан ему жизнью, поэтому мы ему многое разрешаем. У нас здесь в деревне все попросту, но в Англии ты, должно быть, отвык от такой фамильярности слуг. Жак любит поговорить, но ведь это не от непочтительности.

Рене пришел в еще большее замешательство.

– Какие там слуги, – пробурчал он. – Дело совсем не в этом! Пусть себе болтает сколько хочет, – просто я терпеть не могу, когда разводят всякую сентиментальную дребедень.

Ответ брата привел Анри в недоумение, – он так и не понял, что хотел сказать Рене. Взглянув на Рене, он увидел, что тот хмурится, читая письмо. Это было вежливо-сухое послание, очевидно продиктованное кем-то из взрослых и написанное на линованной бумаге круглым аккуратным почерком, как на уроке чистописания. Подпись занимала три строчки:

Маргарита

Алоиза

де Мартерель.

Покачивая головой, Рене сложил письмо.

– И зачем маленькой девочке имя в три раза длиннее ее самой? – сказал он задумчиво. – По-моему, ей вполне хватило бы «Мэгги Мартель». А когда у нее начинаются каникулы, Анри? Она просит, чтобы я почаще к ней приезжал. Разве она сама не скоро приедет домой?

Анри удивленно взглянул на брата.

– Но... как же она уедет из Аваллона. Она всегда там живет.

– Всегда там живет? И у нее не бывает каникул? Да неужели бедняжка круглый год сидит там взаперти со свирепой старой теткой?

– Тетя очень добрая и славная, – с мягким упреком отвечал Анри. – Я уверен, что Маргарите у нее очень хорошо... насколько это возможно для девочки с ее увечьем.

Рене остановился как вкопанный.

– С ее у... Послушай, она что... чем-нибудь больна?

– Разве ты не знаешь, что она прикована к постели?

– Прикована к постели? И давно?

– Но... вот уже больше трех лет, после той тяжелой болезни.

– Я ничего не слышал ни о какой болезни. Неужели она все время лежит в постели? Все время?

– Нет, конечно! У нее есть кушетка, специальная кушетка на колесиках. Маргариту перевозят из комнаты в комнату, а в хорошую погоду выносят в сад. Но как же так? Ты ничего не знал?

Рене помолчал, потом спросил:

– Ты мне когда-нибудь писал об этом?

– Нет, я... я, наверно, думал, ты знаешь.

– И все, наверно, тоже так думали. Что с ней?

– Помнишь, она упала с лестницы в день маминых похорон?

– И это с тех самых пор?

– Нет, что ты! Сначала все было как будто хорошо, только она как-то неуклюже ковыляла и не очень твердо держалась на ногах; иногда вдруг начинала хромать и жаловалась, что у нее болит ножка. А три года назад, зимой, она поскользнулась, и у нее началась болезнь сустава. Доктора говорят, что она, наверно, повредила себе бедро, еще когда упала с лестницы. Для отца это было большим горем. Мы с ним никогда не говорим о ее увечье.

– И никогда не привозите ее домой?

– Когда ты ее увидишь, Рене, ты поймешь, почему этого нельзя сделать. Она не вынесет дороги.

– А нога у нее очень болит?

– К счастью, нет, когда она не двигается; но очень тяжело смотреть, как она пытается приподняться. Дорожная тряска причинила бы ей невыносимые страдания. Да и отцу было бы очень больно ее видеть.

Рене искоса взглянул на брата.

– Разве он никогда с ней не видится?

– Конечно, видится: он специально ездит в Аваллон почти каждый месяц. Ты себе не представляешь, какой он хороший и добрый. Только мы с тетей стараемся оберегать его от тяжелых впечатлений. Отец так болезненно все переживает... ты сам поймешь, когда узнаешь его получше.

– Мне и так все понятно, – пробормотал Рене. Он заговорил о рыбной ловле и не упоминал больше о Маргарите.

Вечером маркиз спросил Анри, показал ли он брату ферму.

– Нет еще; он, наверно, устал с дороги. Может быть, завтра...

Рене поднял голову.

– Лучше как-нибудь в другой раз. Завтра я хотел бы съездить в Аваллон, сударь, если вы не возражаете.

Он увидел, как по тонкому аристократическому лицу отца скользнула тень грусти. Однако она тут же исчезла, и маркиз дружески кивнул и улыбнулся сыну.

– Конечно, мой мальчик, съезди к сестре. Пошлем ей клубники, Анри, она ведь, наверно, уже поспела.

На другой день рано утром Рене отправился в Аваллон. Анри вызвался поехать вместе с ним: он не представлял себе, как можно предпочитать ехать в одиночестве, когда находится попутчик. Однако Рене отказался под не слишком убедительным предлогом, что он «привык ездить верхом в одиночку», – ничего лучшего он придумать не смог. Озадаченный и несколько

огорченный странной холодностью брата, которую он мысленно назвал «английской», Анри привязал к его седлу корзинку с клубникой и отправился на ферму.

Домик тети Анжелики был все таким же опрятным, чистеньким и душным, каким Рене запомнил его с детства. Тетка сама открыла ему дверь; белый фартук был повязан поверх простого темного платья, на поясе висели крупные черные четки. Она была занята варкой варенья, и появление в самый разгар дневных хлопот неуклюжего застенчивого подростка совсем ее не обрадовало. Тем не менее она приняла племянника очень ласково, расспросила об успехах в школе и осведомилась, аккуратно ли он исповедовался, пока был в Англии. Затем, не зная, чем еще занять гостя, она достала бутылку вина и анисовое печенье.

– Извини меня, дорогой, тебе придется посидеть немного одному, – сказала она наконец, устав вытягивать из него словно клещами каждое слово. – У меня варится варенье.

Рене обрел дар речи:

– Тетя, а разве мне нельзя повидаться с Маргаритой?

– Разумеется, мой мальчик, только немного погодя. Сейчас она занята – сестра Луиза готовит ее к исповеди. Отец Жозеф всегда приходит в первую субботу каждого месяца. Может, ты пока погуляешь в саду?

Этот сад, как и все в Аваллоне, был невелик и обнесен высокой стеной; но внутри было очень красиво: вдоль ограды росли фруктовые деревья, земля была покрыта густым ковром ландышей, анютиных глазок и фиалок, беседка алела розами, а с заросших травой ступенек около солнечных часов открывался вид на бесконечную вереницу лесистых холмов.

Через некоторое время – для Рене оно тянулось невыносимо долго – его позвали в дом; в дверях он встретился с отцом Жозефом и сестрой Луизой. У святого отца были тонкие губы и холодный взгляд; пробурчав невнятное приветствие, он прошел мимо Рене, поклонился Анжелике и с постной миной, такой же унылой, как черная сутана, полы которой били его по ногам, направился вниз по горбатой, залитой солнцем улочке. Минуту Рене смотрел ему вслед, затем повернулся, чтобы войти в дом, и очутился в объятиях старой монахини.

– Так вот он, мой крошка Рене! – воскликнула она, всплеснув своими пухлыми белыми ручками. – Наконец-то он вернулся домой! И как вырос – я ему теперь до подбородка. Ты помнишь меня? Я выхаживала тебя, когда ты болел корью. Твоя покойная мамочка тогда еще не оправилась после рождения нашей дорогой бедняжки Маргариты. Господи, как бежит время! Скоро тебе, Анжелика, придется искать этому молодому человеку невесту, право, придется. Так ты в первый же день привез своей сестричке эту чудную клубнику? Похвально. Я вижу, вы оба, и Анри и ты, пошли в свою дорогую мамочку – она всегда думала о других. И правда, наша бедная маленькая мученица заслуживает этого – она истинное воплощение христианского терпения. Нам всем надо брать с нее пример. Отец Жозеф сейчас сказал, что зрелище ее смирения возвышает душу, можно подумать, что она давно уже приняла постриг, а ведь ей всего лишь одиннадцать лет. Хорошо, хорошо, дорогая Анжелика, если уж вы так настаиваете, я попробую ваше варенье. Но мне надо спешить, меня ждут мои бедняки.

Анжелика провела Рене через две большие унылые, скудно обставленные комнаты и остановилась перед дверью в третью.

– Надеюсь, дорогой, я могу на тебя положиться – с твоей сестричкой нужно обращаться очень бережно.

У Рене раздулись ноздри. Черт знает что такое! Уж не думает ли она, что он собирается поколотить девчушку? Выражение его лица в эту минуту было не из приятных, но он отвернулся, и тетка, ничего не заметив, продолжала в счастливом неведении:

– Я знаю, что тебе никогда не придет в голову обидеть нашу больную бедняжку, но ведь мальчики не привыкли иметь дело с калеками. Ты можешь заговорить о чем-нибудь грубом и напугать ее или... Ну да ты, я думаю, и сам понимаешь. Это твой брат, милочка. Я оставлю вас вдвоем, чтобы вы подружились.

Тетка закрыла за собой дверь и отправилась поболтать с сестрой Луизой. Рене осторожно, стараясь не скрипеть ботинками, подошел к столу и неуклюже поставил на него корзинку с клубникой. Он чувствовал себя крайне неловко и с трудом поднял глаза. Его охватила мучительная застенчивость, и маленькая фигурка на кушетке показалась ему устрашающе неприступной.

– Спасибо, что ты так скоро приехал навестить меня, – сказала Маргарита тонким чистым голоском. – Это очень мило с твоей стороны. Садись, пожалуйста.

Рене сел в полной растерянности. Совсем не детская, чопорная любезность сестры окончательно его подавила. Он украдкой взглянул на нее: неужели действительно бывают такие примерные дети, как в рассказах мисс Эджворт? Потом посмотрел на Маргариту еще раз, и его охватило жуткое чувство, словно рядом с ним было существо из другого мира.

«Можно подумать, что она давно уже приняла постриг», – вспомнилась ему глупая болтовня сестры Луизы. Лицо этой девочки, которую даже можно было бы назвать хорошенькой, если бы не ее восковая, прозрачная хрупкость, было похоже на лицо старой монахини – скрытое, замкнутое, отмеченное печатью долгого молчания.

Видя, что ее брат не в состоянии открыть рта, Маргарита заговорила первая и стала занимать гостя светской беседой по старательно заученным образцам. Она осведомилась о здоровье отца и Анри, а затем – тем же вежливым тоном – о здоровье английской тетки и двоюродных братьев, которых никогда в жизни не видела. Она спросила, как ему понравилась Англия, часто ли там бывают туманы, рад ли он, что вернулся домой. С лица ее не сходила механическая улыбка, а худенькие пальчики так же механически трудились над каким-то вышиваньем.

Рене же с каждой минутой все более терял присутствие духа и совсем не находил, что сказать. Это походило на кошмарный сон; ему хотелось ущипнуть себя и проснуться. Наконец вошла тетя Анжелика и позвала его обедать.

– Я уговорила сестру Луизу пообедать с нами, – сказала она. – Отвезти тебя в столовую, Маргарита, или ты хочешь обедать у себя?

Маргарита откинулась на подушки. Слабым, усталым голосом она покорно ответила:

– Как хотите, тетя.

– Мне кажется, после такого волнения тебе нужен покой. Отдохнешь полчасика после обеда, а потом Рене вывезет тебя в сад, и вы там поболтаете, пока я приготовлю банки для варенья. Ты ведь не спешишь, Рене?

– Нет, нет, – ответил он торопливо. – Если только... – Он запнулся и посмотрел на Маргариту. – Если только я тебе не надоел.

– Как ты только мог это подумать?! – воскликнула Анжелика. – Ну, конечно же, она очень рада, что ты приехал.

Но Рене, наблюдавший за Маргаритой, заметил, как она взглянула на него украдкой, на мгновение вскинув ресницы и тут же опять их опустив. Впервые в жизни он видел такие ресницы – они лежали на ее белых щечках, словно шелковая бахрома. Нелегко разгадать, что таят глаза, скрытые за такой завесой!

– Я буду очень рада, если ты останешься, – произнесла Маргарита своим тоненьким благовоспитанным голоском.

Он сел за стол, с глухим раздражением ощущая на себе взгляды тети Анжелики и сестры Луизы, следивших, не забудет ли он перекреститься: атеистические склонности маркиза неоднократно обсуждались в Аваллоне; кроме того, Рене провел восемь лет в стране отъявленных еретиков и язычников. Во время обеда женщины толковали о делах прихода и благотворительности, обсуждали слабости соседей и подробности недоразумения между отцом Жозефом и другим священником, и под конец Рене захотелось заткнуть уши и выбежать из-за стола.

Неужели этой бледненькой девчужке в соседней комнате приходится слушать такие разговоры каждый божий день? Правда, девочки переносят все это легче, чем мальчишки, но

когда у тебя болит нога, тебе, наверно, безразлично, который из священников наговаривает епископу на другого. Потом он задумался над тем, часто ли у Маргариты болит нога и очень ли ей бывает больно. На слова Анри нельзя полагаться – он и в письмах всегда все преувеличивал. Но даже если нога у нее совсем не болит, ей все равно страшно не повезло – родиться девчонкой да вдобавок лежать все время на спине. Ей даже нельзя ходить, не то что играть в крикет, плавать или заниматься еще чем-нибудь интересным...

– Дорогой, – сказала тетя Анжелика после еды, – разве ты не собираешься прочесть благодарственную молитву?

Рене торопливо перекрестился и вышел в сад. Ему казалось, что он задыхается.

Пока женщины благочестиво судачили, попивая кофе в комнате с приспущенными шторами, где пахло вчерашним постным обедом, Рене сидел в беседке и размышлял о разных предметах: не в той ли речушке внизу под горой поймали рыбу для постного обеда и есть ли вообще тут места, где можно поудить рыбу; кто глупее – карпы, которых разводят у них в пруду, или сестра Луиза, а также чья кровь холоднее – их или отца Жозефа; нравится ли Маргарите быть примерным ребенком, созерцание которого возвышает душу, и что бы она сказала, если бы вместо несчастной канарейки, изнывающей в своей клетке в затхлой комнате с опущенными жалюзи, он привез ей лохматого щенка, ирландского терьера, который стал бы весело носиться по саду.

– Рене, – раздался около беседки голос тетки, – где ты? Помоги мне вынести Маргариту.

У Маргариты он застал сестру Луизу, которая, наклонившись к девочке, нежно ее целовала.

– До свидания, моя тихонькая мышка. Я расскажу матери-настоятельнице, как тебе понравилась ее хорошенькая книжечка.

– Я надеюсь, матери-настоятельнице тоже понравится подарок Маргариты, – сказала тетя Анжелика, взяв из рук племянницы вышиванье и придирчиво его рассматривая. – Это саше – подарок к ее именинам. Только, чур, не проговоритесь, сестра Луиза, это секрет.

– Ну что вы! Ах, как красиво! А что будет в середине? Цветок?

– Я думаю, монограмма. Маргарита хотела вышить колесо святой Екатерины, но святой эмблеме, по-моему, не место на саше. Ну, Рене, берись с той стороны. Только осторожнее на ступеньках.

Когда кушетку поставили на траву, Анжелика поспешила к своему варенью. Сестра Луиза еще раз поцеловала свою ученицу и ушла. Рене закрыл за ней калитку и, с отвращением ощущая на руке ласковое пожатие жирной ладони монахини, вернулся в сад. Кушетка стояла так, что Маргарита не могла видеть брата, пока он не подошел совсем близко, а его шаги заглушались мягкой травой. Приблизившись к кушетке, Рене увидел, как Маргарита вынула носовой платок и стала стирать поцелуй монахини. Она терла щеку с таким ожесточением, что на ней осталось яркое красное пятно. Но как только Рене подошел и сел рядом, Маргарита снова взялась за вышиванье и скромно опустила глаза. Долгое время оба молчали.

Наконец Рене в отчаянии выпалил:

– Хочешь щенка?

Маленькая ручка на секунду замерла, и голубая нитка обвилась вокруг пальца. Но через секунду Маргарита продолжала работу.

– Большое спасибо. С твоей стороны очень мило подумать обо мне...

«О, черт! – мелькнуло в голове у Рене. – Она ведь это уже говорила. Они научили ее твердить одно и то же, как попугая».

Тихий благовоспитанный голосок продолжал:

– ...но тетя не любит собак.

– А я вовсе не ей предлагаю, – возразил Рене. – Ну, тогда котенка? Это, конечно, не то, что терьер, но все-таки лучше какой-то паршивой канарейки.

Маргарита опустила вышиванье.

– Это все равно. В прошлом году Анри собирался подарить мне черепаху, но тетя Анжелика не хочет, чтобы в доме жили какие-нибудь животные.

– А как же канарейка?

– Она не наша, мы взяли ее на время. Это канарейка племянницы отца Жозефа. Отец Жозеф говорит, что животных держать в доме можно, только не надо разрешать себе чересчур к ним привязываться.

– А, чтоб ему провалиться, этому отцу Жозефу!

Рене в ужасе замолчал. Теперь он ее совсем напугал! Вдруг он увидел, что Маргарита в первый раз за все время смотрит на него широко открытыми глазами. И что это были за глаза!

Некоторое время брат и сестра молча глядели друг на друга, потом пушистые ресницы опять опустились. Рене пробормотал извинение и окончательно смешался. Он снова и снова пытался завязать разговор, смущаясь после каждой новой неудачи все больше, а через полчаса сбежал, пробормотав что-то о расковавшейся лошади, и, терзаемый стыдом, поехал в Мартерель.

Всю дорогу домой Рене обдумывал происшедшее за день, и его собственное поведение казалось ему все более глупым и безобразным. Что бы он ни думал о друзьях тети Анжелики, Маргарите они, по всей вероятности, нравятся, – и тем лучше, раз уж ей приходится жить среди них. В конце концов они ее балуют и по-своему любят, хотя от их любви порой делается тошно. По крайней мере они не избавились от нее и не забыли о ее существовании, как...

Он оборвал себя, испугавшись того, о чем чуть было не подумал... Ведь отец постарался сделать для нее все, что было в его силах, а вся эта набожная болтовня, быть может, ей даже и нравится. Девчонки вообще любят слушать всякие разглагольствования и обожают, когда с ними носятся. Во всяком случае, какое имеет право он, совсем чужой для нее человек, вмешиваться в давно заведенный порядок и расстраивать девчущку, ругая ее друзей. А он еще разозлился на тетю Анжелику, когда она усомнилась, сумеет ли он вести себя как нужно! Ее опасения вполне оправдались. Ведь мама умерла, а отец... отец занят; и Маргарита, наверно, привязана к сестре Луизе и отцу Жозефу, – и показывать, что они ему не по душе, просто подло.

Только... почему она терла щеку?

Подъезжая к замку, он окончательно решил, что в будущем ему лучше всего держаться от Аваллона подальше, раз он свалил там такого дурака.

За ужином Рене говорил мало и так свирепо огрызался на невинные расспросы Анри о впечатлении, которое произвела на него Маргарита, что, подняв глаза от тарелки, заметил устремленный на него внимательный взгляд отца. Вставая из-за стола, Анри невольно вздохнул.

– Во вторник я поеду в Аваллон на свиную ярмарку. Может быть, ты поедешь со мной, чтобы получше подружиться с Маргаритой? – спросил он брата, грустно взглянув на его нахмуренное лицо.

– Зачем я туда поеду? Я не собираюсь торчать там все время.

В голосе Анри прозвучала нотка упрека:

– Не забудь, что она не может сама к нам приехать. И у нее так мало радостей.

– А, да замолчи ты наконец! – пробормотал Рене по-английски.

В воскресенье вечером он попросил у отца разрешения пользоваться одной из лошадей, сказав, что привык перед завтраком ездить верхом. На следующий день он встал на заре и в десять утра, покрытый дорожной пылью, смущенный и сердитый, уже стучался в дверь тетки. На этот раз бедная Анжелика едва сумела скрыть свое неудовольствие – кто же ходит в гости в такое неурочное время? – однако законы гостеприимства были для нее священны, и она

заверила Рене, что его неожиданный приезд для них «очаровательный сюрприз», и «в виде исключения» позволила Маргарите прервать занятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.